

культурные животные в культуре тувинцев

Научный руководитель – Айыжы Елена Валерьевна

Салчак Долма Мергеновна

Студент (бакалавр)

Тувинский государственный университет, Исторический факультет, Кафедра всеобщей истории и археологии, Республика Тыва, Россия

E-mail: dolma_salchak@mail.ru

Тувинцы, как и любой народ, имеет свою неповторимую историю и самобытную культуру. Тувинцы делятся на западных (горно-степные районы западной, центральной и южной Тувы), говорящих на центральном и западном диалектах тувинского языка, и восточных, известных как тувинцы-тоджинцы (горно-таёжная часть северо-восточной и юго-восточной Тувы), говорящих на северо-восточном и юго-восточном диалектах (тоджинском языке). Древнейшие предки тувинцев – тюркоязычные племена Центральной Азии, проникшие на территорию современной Тувы не позднее середины 1-го тысячелетия и смешавшиеся здесь с кетоязычными, самодийскоязычными и, возможно, индоевропейскими племенами. Многие особенности традиционной культуры тувинцев восходят к эпохе ранних кочевников, когда на территории современной Тувы и сопредельных районов Саяно-Алтая обитали сакские племена (XIII - III вв. до н. э.). Их влияние прослеживается в материальной культуре (в формах утвари, одежды и особенно в декоративно-прикладном искусстве). Данные факты и характерны в семантике тувинского народа, связанного с культами животных. Первым из них является культ Хайыракан. Как отмечают исследователи (Потанин, 1883; Грумм-Гржимайло, 1926; Кон, 1936; Потапов, 1969; Кенин-Лопсан, 1993 и др.), у тувинцев культовый термин Хайыракан восходит к древнейшим пластам религиозного мировоззрения, в нём сочетаются понятия «божество», «покровитель» и «медведь». Термин хайыракан обычно употребляется в форме Өршээ, Хайыракан! (Прости, помилуй, Хайыракан). Как отмечает Потапов Л.П. образ медведя является самой древней ипостасью бога земли, а также бога вообще. Медведь с белой шерстью на шее считается у тувинцев воплощением горного духа – хозяина Оран-Танды. В бурятской мифологии медведь выступает как предок, родоначальник, тотем, дух-оборотень. Отмечена связь медведя с драконом и змеей, в которых он превращается в волшебных сказках народов Сибири. Термин хайрхан у монголов также является эвфемизмом в названиях змеи, волка и ирбиса. Хайыракану тувинцы посвящали коней определённой масти, приносили кровавые жертвы [7, с. 89]. О глубоком почитании медведя свидетельствует и тувинская посло-вица: Өлген дээш адыг бажы, артап болбас, эшкен дээш от одаг базып болбас (Нельзя перешагивать через голову медведя, даже если он умер, нельзя наступать на место костра, даже если он потух) [7]. На проезжих дорогах были установлены шесты с медвежьей головой. В монографии Феликса Кона «За пятьдесят лет» (1936) приведены интересные сведения о культе медведя: «... Вераования с особенной силой проявляются, когда случай играет решающую роль, и, прежде всего, во время охоты. Охота, когда-то основной источник существования сойотов, ко времени моей поездки осталась таковой только на вершинах снежных гор у оленеводов: большую роль она продолжала играть во время моей экспедиции у тоджинских и хемчикских сойотов, меньшую – у ойнарацких. Несмотря на это, все предрассудки в отношении охоты были относительно сильны повсюду, в особенности, когда дело касалось животных, охота на которых связана с опасностью...» [5]. «... Отношение сойотов к медведю совершенно особенное. Охота на медведя считается грехом, поступком против совести, несмотря на то, что она производится

повсеместно. Убивший медведя кланяется ему в ноги, говоря: «Мен бодум эвес сени боо-ладым» (я не сам убил тебя). Наступать на голову медведя или перешагнуть через нее - нельзя. Хвастаться убийством медведя тоже нельзя, т.к. у медведя земля [U+2012] уши, и он может об этом узнать...» [5]. На основании сопоставления этнографических и археологических материалов было констатировано, что древние петроглифы отражают тотемические представления. Тотемизм – есть совокупность представлений о неразрывной связи родовой группы с каким-нибудь природным объектом (животным, растением, реке камнями, источниками и т. д.). Ведущим тотемом, реликты представлений о котором этнографически выявлены на Саяно-Алтае, был олень [2]. Интересными памятниками искусства скифского времени являются изображения диких животных, в особенности копытных, на культовых памятниках [U+2012] оленных камнях. (Пленные камни представляют собой монументальные плиты или камнные столбы, покрытые изображёнными определённым образом оленями и другими рисунками. Изображались на оленных камнях и другие животные, в том числе козлы, кабаны, лошади, бараны, волки. По опубликованным данным, подавляющее большинство наскальных изображений Тувы относится ко времени уюкской культуры (I-II вв. до н. э.) и к раннему этапу шурмакской культуры (I в. до н. э. - II в. н. э.) Эти изображения, несомненно, связанные тотемическими и культово-магическими представлениями древних людей, вместе с тем, отражают и картины реальной жизни [2]. Для петроглифов скифского времени характерны изображения копытных животных с поджатыми ногами, горных козлов и маралов [U+2012] в позе «внезапной остановки», горного козла [U+2012] в прыжке, лосей [U+2012] с древовидными рогами. Часто встречаются изображения кабанов, дзеренов, волков, лисиц, змей и т.п., а также изображения домашних животных (быков, лошадей, верблюдов), кошачьих хищников, сцен, в которых хищники терзают копытных. Особенно интересны различные сцены облавной и одиночной охоты на оленей, горных козлов и т.д. Конные или пешие охотники в этих сюжетах обычно вооружены луками и стрелами. Семантика этих изображений сложна, культовое их значение связано с охотничьей магией. Основной побудительной мотив нанесения большинства известных к настоящему времени петроглифов исторических эпох [U+2012] обеспечение удачи в охоте, являвшейся важной отраслью добывания средств к существованию [2]. Изображения диких животных, в особенности копытных, довольно часто встречаются и в украшениях, находимых в могильниках Тувы и на сопредельных территориях [2]. Особенности художественного воплощения образов животных не оставляют сомнений в том, что создававшие их мастера были хорошо знакомы с местной фауной и, вероятно, не раз близко встречали зверей во время охоты. В кызылганских погребениях найдены амулеты, сделанные из зубов марала, кабарги, медведя, остатки беличьего и соболиного меха. О развитости охоты в то время говорит и специализация охотничьих стрел как у племён, обитавших на территории Тувы, так и у населения сопредельных территорий. Клыки марала и раковины каури, украшающие шапки и пояса шаманов, широко применялись в качестве амулетов, оберегающих от злых духов [3]. У тувинцев в основе представлений о бубне как верховом животном выступали дикие промысловые звери [U+2012] копытные животные, что, вероятно, свидетельствует о том, что здесь на более древнюю основу представлений наслоились более поздние, сформировавшиеся с развитием кочевого скотоводства и распространением верховой езды на лошади. Бубен также можно рассматривать и как свидетельство наиболее древних представлений о горно-таёжной охотничьей среде, отражающих тотемические воззрения различных родо-племенных групп Саяно-Алтайского нагорья на некоторых промысловых животных. По-видимому, первоначально дикие рогатые животные были родовыми тотемами, а с разложением тотемических представлений превратились в духов-предков родовых шаманов, с которыми последние символически отождествляли бубен [4]. Представляя

бубен маралом (маралицей), некоторые тувинские шаманы называли его в то же время породственному, например, своей бабушкой. Эту душу зверя (своего предка, покровителя) прятали в глухой горной тайге, откуда призывали только во время камлания, и постоянно опасались того, чтобы какой-либо враждебный шаман не обнаружил эту душу и не погубил её. Таким образом, с возникновением охотничьей деятельности у древних народов появилась охотничья магия. Кроме того, различные группы охотников разрабатывали свою мифологию [U+2012] культовые обряды. Охотники-скотоводы вырабатывали суровые правила воздержания, различные табу, причём не только на время охоты, но и после её завершения. Культовые обряды сохранялись и передавались из поколения в поколения. Одно из важнейших достижений на пути приспособления человека к среде обитания связано с одомашниванием животных, в том числе одомашниванием лошади. Верховая езда и обретенная благодаря ей свобода передвижения способствовали в последующем развитию кочевого хозяйства [U+2012] пастбищного скотоводства с комплексным составом животных: мелкого и крупного рогатого скота, верблюдов, оленей. С почитанием гор у тувинцев был тесно связан культ некоторых животных в двух формах: либо в виде жертвоприношения животного хозяину гор или отдельной горы, либо в форме посвящения этому духу-хозяину с оставлением животного в стаде. Домашние животные, посвященные божествам, известны у тувинцев под названием ыдык. Обряд освящения животных малыдыктаары [U+2012] наиболее ранний обряд древних шаманских представлений. Он имеет непосредственное отношение к обряду ыдык. Среди животных, посвящаемых духам-хозяевам, наиболее почитаема и неприкосновенна после освящения лошадь, а также бараны или олени у восточных тувинцев [7]. Образ быка занимал важное место в идеологических представлениях и культах древнего населения Центральной Азии, о чём свидетельствуют археологические памятники и этнографические материалы, а также тюрко-монгольский этнос (Потапов, 1969; Дэвлет, 1990; Кенин-Лопсан, 1993). Изображения быка на скалах могут рассматриваться как зафиксированные жертвы, священные животные [U+2012] ыдыктыг малдар. Бык-производитель, по поверьям тувинцев, являл собой символ добра и благополучия, образ его воплощал величие и могущество. Как отмечает Кенин-Лопсан М.Б. обычай помещать фигурки животных, в том числе и быков, на горных перевалах на особых культовых сооружениях оваа в виде груды камней или кучи хвороста, связан с древнейшим обрядом поклонения духам гор [4]. В своих исследованиях Каррутерс, отмечает, что на месте, выбранном для оваа, вкапывали столб, на котором уста-навливалась рельефная фигурка быка, вырезанная из дерева. Считалось, что обряд установки фигурок на оваа способствует размножению изображаемых животных [1]. В памяти тувинцев сохранились сведения о молениях, связанных с посвящением в ыдыки домашних животных, главным образом, быка. Особое отношение к этому животному объясняется тем, что оно было незаменимым в качестве транспортного животного. Основной целью посвящения животного в ыдыки было, прежде всего, сохранение и благополучие стада, и, в первую очередь, тех видов домашних животных, к которым принадлежит ыдык. Бык же, в отличие от других животных, посвящался духам гор вообще, а не духу конкретной горы, и назывался оваа ыдык, сам же обряд посвящения носил название ыдык кылыр (Потапов, 1969). В книге М.А. Дэвлет «Листы каменной книги Улуг-Хема» сделано предположение о том, что «... изображение бычьих рогов на головах антропоморфных фигур из Саянского каньона, вероятно, связано с почитанием быка населением бассейна Улуг-Хема в древности. Фигуры быков неоднократно встречались в искусстве раннего бронзового века на Среднем Енисее...» (Дэвлет М.А. 1990, с. 22). Таким образом, в шаманских легендах, ещё в недавних детских играх (например, в боях игрушечных деревянных быков), а также в реальных боях быков, мы находим отзвуки древних традиционных обрядов, связанных с образом быка и уходящих корнями в эпоху первобытности [U+2012] в

бронзовый век (Килуновская, 1998). Бык был не единственным домашним животным, которое тувинцы посвящали в ыдыки. В литературе упоминается о том, что, по крайней мере, сто лет назад тувинцы посвящали лошадей небесному божеству Кайракан-Кудая (вероятно, этим именем заменили более раннее слово тэнгри, звучащее по-тувински дэ-эр). Посвящали коней и Джетыгану, под именем которого у западных тувинцев, как и у алтайцев, было известно созвездие Большой Медведицы (Абаев и др., 1992). По более поздним этнографическим материалам, собранным Л.П. Потаповым, «... тувинцы лошадь посвящали в ыдыки при тяжёлой болезни хозяина семьи, если он долго не поправлялся. Шаман или лама, лечившие больного, предлагали ему сделать ыдык-лошадь, который мог спасти его. При этом обычно рекомендовалась лошадь серой или рыжей масти и обязательно мерин; если у хозяина не было таковой, то он должен был купить её...» (Потапов, 1969, с. 364). Исследователи культуры тувинцев в своих публикациях обращали и обращают внимание на то, что в различных районах посвящения были неодинаковыми (Потапов, 1969). Наиболее раннее посвящение ыдыка делается для всего рода (кости) в целом. После оккупации Тувы Цинской империей, когда разделение на хошуны и сумоны стало вытеснять из реальной жизни тувинцев значение рода, посвящение ыдыка устраивали в целом для хошуна или сумона. На этой стадии ыдык посвящался, либо священным родовым горам, либо высшим духам-божествам, почитаемым всей родо-племенной группой или сумоном, например, Хайрхану. У тувинцев наблюдалась следующая особенность: та или иная масть лошади-ыдык предназначалась определённому духу или божеству. По сообщению Г.Н. Потанина (1883), чубарых лошадей посвящали в ыдыки в честь божества Джетыгана, а сивых [U+2012] в честь Кайракана-Кудая. Ранняя стадия обряда была связана с общей родовой или родо-племенной собственностью на территорию ыдыков, посвящавшихся тем или иным горам (или хозяевам гор), и отражала почитание священных мест родо-племенной территории. Второй, более поздней, стадией обряда посвящения ыдыка считалось посвящение животных индивидуальными хозяевами, ведущими своё частное хозяйство, своему стаду, своим домашним пенатам [U+2012] огню или какому-либо ээрену. Эта стадия бытования обряда фиксирует значительные перемены в социально-экономической жизни общества. В своеобразных политических условиях Тувы с навязанным оккупантами новым административным устройством и территориальным прикреплением населения, различного в родо-племенном отношении, к определённым феодалам, с насильственным насаждением ламаизма, древний обряд посвящения ыдыка приобрёл новые черты, стал характеризоваться смешанностью и неустойчивостью его отдельных элементов. Таким образом, обряд посвящения ыдыков, кроме стадийальных отличий, содержит в себе и некоторые особенности, характеризующие неоднородность этнического состава тувинцев (Потапов, 1969).

Источники и литература

- 1) 1. Абаев Н. В., Опей-оол У. П. Тэнгрианство, буддизм и экологические культы в Центральной Азии и Транс-Саянии. [U+2012] Кызыл: Нац. музей Республики Тыва, 2009. [U+2012] 143 с. 2. Грач А. Д. Алтай и Тува в скифское время. История Сибири-ри- М.- Л., 1967.- Т. 1. 3. Кенин-Лопсан, М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманизма. Н., 1987. 4. Кенин-Лопсан, М.Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл., 2006. С. 232 5. Кон, Ф.Я. (1864-1941.). За пятьдесят лет. - 2-е изд. - Москва : Сов. писатель, 1936 6. Кон, Ф.Я. Экспедиция в Сойотию за пятьдесят лет. М., 1934. С. 22 7. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории. - Москва : Наука, 1969. - 402 с.